

UDC 130.2

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-183-196

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА*

***Аннотация:** Смысл является одним из центральных концептов гуманитаристики. Его анализ и применение открывают потенциал междисциплинарного синтеза (конвергенции) современной науки. Этот потенциал важен для развития не только философии, но и всей гуманитаристики.*

Реализация описанной программы практической философии смысла позволила ввести в отечественный философский дискурс проблемы осмысления действительности логико-семантическое обоснование практических рассуждений, философию поступка как вменяемого действия, метафизику свободы и ответственности, постчеловеческую персонологию, ценностно-нормативный анализ культурогенеза и особенностей российско-советского культурного опыта, анализ соотношения рациональности и эффективности, гуманитарную экспертизу и социально-культурный инжиниринг и др.

Автор считает, что для современности характерны тотальная цифровизация и перспектива постчеловечности. Гуманитарная экспертиза становится все более востребованной в этих условиях. Гуманитарное знание необходимо в научно-технических разработках, а традиционный технологический инжиниринг расширяется до социально-культурного инжиниринга. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

***Abstract:** Meaning is one of the central concepts of humanities. Its analysis and application opens up the potential of interdisciplinary synthesis (convergence) of modern science. This potential is important for the development of not only philosophy, but also the entire humanities.*

The implementation of the described program of practical philosophy of meaning allowed introducing into the Russian philosophical discourse the problem of understanding reality by the logical and semantic rationale of practical thinking, the philosophy of the act as a sensible action, the metaphysics of freedom and responsibility, posthuman personality, analysis of cultural genesis and features of the Russian-Soviet cultural experience, analysis of the ratio of rationality and efficiency, humanitarian expertise and sociocultural engineering, etc.

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, профессор Департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ-ВШЭ-Санкт-Петербург (Санкт-Петербург). E-mail: gtul@mail.ru, gtuichinskij@hse.ru.

* Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018 Бел_а.

The author believes that total digitization and the prospect of posthumanity are characteristic of modern times. Humanitarian expertise is becoming increasingly popular in these conditions. Humanitarian knowledge is necessary in scientific and technical developments, and traditional technological engineering is expanded to socio-cultural engineering. The semantic picture of the world is becoming increasingly operational and measurable, but dependent on the person and his goals.

Ключевые слова: *глубокая семиотика, гуманитарная парадигма, идеи, нарративы, нормативно-ценностные системы, поступок, осмысление, смысл, стереометрическая семантика, философия.*

Keywords: *deep semiotics, humanitarian paradigm, ideas, narratives, normative value systems, deed, comprehension, meaning, stereometric semantics, philosophy.*

Как учили великие Конфуций и Платон, любое дело надо начинать с «исправления имен», то есть — с уточнения значения используемых слов. Применительно к данному случаю — со способов употребления ключевых терминов, задающих предмет обсуждения в этом тексте.

Прежде всего, это «смысл» — слово, употребляемое в самых различных контекстах — от смысла слова и сказанной фразы до смысла происходящего и смысла жизни. Смысл — одно из ключевых понятий и логической семантики, и лингвистики, и искусствоведения, и теории коммуникации, и социальной психологии. Этот перечень можно продолжать и продолжать. Такая «многосмысленность» не случайна. Смысл — порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира и вынужденной делать это всегда с какой-то конкретной позиции, в некотором определенном ракурсе, с какой-то точки зрения, другими словами, — в каком-то смысле. Именно такой системой является человек — существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и её выбора. В этом плане, смысл — принципиально человеческое проявление, измерение бытия. Вне человека смысла нет — только детерминации, причинно-следственные связи.

Два важных следствия из сказанного. Во-первых, смысл оказывается связан с выбором позиции, дающей возможность некоего обобщения, и такая позиция должна быть внешней, как ее характеризовал М.М. Бахтин — «позицией внаходимости». Так смысл слова извлекается из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста его использования. Также и поиски смысла жизни предполагают выход в ее возможные контексты, выходящие за рамки индивидуального существования — от продолжения рода до политической, религиозной идеи или служения истине. И, во-вторых, будучи связан с выбором или определенной позицией, смысл телеологичен, связан с целесообразной деятельностью, с определенными фреймами, паттернами, практиками использования предмета осмысления.

Ход рассуждения уже подвел к практическим контекстам. Однако специального внимания заслуживает предметность философского рассмотрения смысла. Философия, философствование суть практика осмысления действительности, человека, его отношения с этой действительностью, места в ней и себя самого. В силу ставящихся и обсуждаемых в философии «предельных» вопросов бытия, сама практика философствования должна располагать достаточно широким спектром выразительных возможностей для поиска ответов на эти вопросы. Подобно фольклору, «народной мудрости» — дающей в поговорках, пословицах и других поговорках примеры для ос-

мысления, придания смысла и нормы на все случаи жизни, реализуется «паремиологическое» философствование в жанре афористики. Мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами, являются притчи, коаны, «истории по жизни». Нарративы осмысления, выраженные в них, могут разворачиваться, объединяться, порождая сюжетные формы философствования — такие как назидания, увещевания, эссе, диалоги, новеллы, повести или даже романы.

Толкование паремиологического и сюжетного философствования может само стать способом философствования. Такое толкование, в свою очередь, также само становится нарративом, в котором результаты осмысления выстраиваются с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли в некую герменевтическую систему. Наиболее упорядоченно такая логика осмысления представлена в философских системах, где она выходит на первый план. С этим связана важная особенность философствования, претендующего на систематическую представленность поиска смысла, — его противоречивость.

В паремиологическом и сюжетном философствовании эта противоречивость обусловлена необходимостью выражения множественности осмысляющих позиций. В герменевтическом компендиуме она есть следствие инвентаризации различных толкований. В обоих этих случаях противоречивость естественна, даже органична. В систематизированном философствовании, репрезентируемом как последовательное развертывание исходных принципов, требование противоречивости становится парадоксальным, но необходимым и достаточным условием осмысления. Как известно, из противоречия (конъюнкции $A \& \text{не-}A$) следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь сопоставимой с фольклором полноты осмысления.

Способы философствования не исчерпываются текстовыми жанрами. Философствование может реализовываться практически в любом речевом акте, в любой коммуникативной практике. Помимо вербальных практик, философствовать можно с помощью визуальных средств, иконических знаков — изображений, рисунков, схем, диаграмм, графиков. Более того, способы философствования не исчерпываются разнообразными возможностями вербализации и визуализации — известна «поступочная» философия, выражающаяся непосредственно в образе жизни, поведении, вторично описываемая в наррации «мудрого образа жизни».

При всем разнообразии своих форм философия — целостная система осмысления человеческого бытия, в той степени, в какой понятие целостности применимо к осмыслению универсума, к полноте мира и жизни человека. Выражением такой целостности выступает каждая конкретная культура как нормативно-ценностная система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Тем самым, несколько затянувшееся уточнение понятий привело к пониманию культуры как «механизма» порождения смысловой картины мира при активном участии человека — носителя определенной культуры, социализированной личности как инструмента, средства и результата нового смыслообразования. Этот процесс реализуется в практиках коммуникации. Именно в сопряжении понятий коммуникации, культуры, личности и раскрывается содержание практической философии смысла.

В логике раскрытия этого содержания имеет смысл воспользоваться этапами концептуального «осмысления смысла», пройденного самим автором. Тем более, что

наглядную конкретность такому рассмотрению способны придать и факты профессиональной биографии, задающие практические социально-культурные факторы осмысления. Наверное, описание этого опыта было бы более уместно делать «от первого лица», но жанр данной публикации предполагает изложение «от третьего лица», что бесполезно, поскольку придает изложению большую степень объективности, отстраненности от субъективных деталей и даже формат некоей реализованной исследовательской программы.

От логической семантики к нормативно-ценностному синтезу

Удивительно, но уже в самом начале этой программы фигурируют идеи, совпадающие с приведенной выше концептуальной аналитикой: «философские категории в смысловой интерпретации научных теорий», «о междисциплинарном подходе к теории смысла», «культурная деятельность как средство осмысления действительности» — примеры первых публикаций 1975-1979 гг. Рассмотрение в дипломной работе (1975) роли онтологических (экзистенциальных) допущений в логике было расширено в кандидатской диссертации «Логико-философский анализ формализованных языков науки» (1978) до проблемы интерпретации как основания и результата формализации. Это вывело к семиотике как общей теории знаковых систем, герменевтике как теории и практике истолкования не только текстов, но и любых артефактов культуры.

Только логикой и философией в СССР было невозможно прокормить семью. Поэтому участие в разработке и реализации региональных проектов и программ в сфере культуры и корпоративных коммуникаций, корпоративной социальной ответственности, ведение соответствующих курсов и семинаров, подготовка практических рекомендаций и учебников (первые отечественные учебники по менеджменту, маркетингу, PR в сфере культуры, социальному партнерству, переиздаваемые до сих пор), в самоорганизации культурной и научной жизни создало ситуацию, когда, не прекращая активные занятия логикой (от публикаций (см. прим. 1) до чтения курсов (см. прим. 2)), круг интересов постоянно расширялся, включая философию культуры и личности, образование, методологию науки, социальный менеджмент и социальные коммуникации, политическую культуру и технологию. Это расширение подпитывалось содержанием работ тартусско-московской семиотической школы (выпуски «Трудов по знаковым системам» были праздниками души), идей русского формализма (остранение — перенесение в иные контексты, как триггер переосмысления; сделанность вещи как понимание ее замысла), работ Г.Г. Шпета (о внутренней форме слова, социальности сознания), постпозитивистской философии науки (Т. Кун о смене научных парадигм, С. Тулмин о роли аргументации, Дж. Холтон о темах в науке и роли биографии ученого, М. Полани о личностном знании). Все это позволило структурировать несколько важных концептуальных моделей.

Так, в результате «экстракции» содержания ключевых идей Г. Фреге, А. Марти, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, был выявлен инвариант *смысловой структуры социального опыта*. Принципиальным в этой структуре является понимание любого артефакта культуры как знака, порожденного конкретным социально-культурным опытом. С этой точки зрения, в нем могут быть выделены две стороны: во-первых, *означаемое* — содержание той деятельности, того опыта, с которым связан и к которому

отсылает данный знак; и, во-вторых, *означающее* — собственно материальную форму артефакта, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию. При этом, в структуре означаемого также можно вычленивать два основных компонента: социальное значение — собственно социально-культурную программу реализации опыта, а также личностный смысл, роль этого социального значения для конкретной личности в процессе освоения (или порождения) этого опыта.

В социальном значении, в свою очередь, вычлениваются два аспекта: предметное социальное значение — предметное содержание опыта, и функциональное социальное значение — содержание определенной программы (буквально — способ, «алгоритм») деятельности с этими предметами. Этому различию в логике соответствует различие объема и содержания понятия. Предметное социальное значение может быть собственным, т.е. отсылать к материальной форме самого знака и несобственным. Например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения, а слово «стол» отсылает к неопределенному множеству столов.

В личностном смысле также можно вычленивать два аспекта: оценочно-эмоциональное отношение личности к данному значению и связанному с ним опытом, а также переживание, непосредственный опыт ощущений и восприятий, связанных с этим опытом (см. прим. 3).

Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе их взаимосвязи и взаимообусловленности. Переход от материальной формы знака к предметному и функциональному социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания, демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распремечивание, понимание. В этом плане компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием). Встречное прохождение этого ряда — от переживания, выражения отношения к социальному значению и его воплощению в материальной форме — демонстрирует объективацию, опредмечивание опыта.

Осмысление и смыслообразование имеют деятельностно-практическую природу и определяются ценностно-целевым контекстом соответствующих видов социально-культурных практик. При этом функциональное социальное значение играет центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении, так как оно задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры, паттернами, фреймами социальных практик в быту, в экономических отношениях, в управлении, в политике, науке, искусстве, религии.

Собственно, любая культура как система порождения, хранения и трансляции социального опыта является «механизмом осмысления» и представляет собой совокупность *нормативно-ценностных систем* (НЦС). В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, гносеологические (эпистемологические) и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития социального опыта и осмысляющего его знания. Специфической НЦС является язык, реализующийся в целях обслуживания других НЦС, в том числе и самого себя.

В идее НЦС находит свое выражение понимание рациональности как механизма социальной детерминации познания, представляющего собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей. Более того, концепт НЦС позволяет рассматривать динамику

институционализации смысловых структур как переход от личного знания к знанию, с одной стороны — все более распределенному, а с другой — формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. Основой динамики институционализации выступает регулярность и интенсивность коммуникации.

В общей динамике осмысления можно выделить три основные стадии: (1) сепарацию (выделение предмета из целостности привычного опыта его использования); (2) перенос его в новый контекст (трансфер, лиминальность); (3) реагрегацию (воссоздание новой смысловой целостности). В первых двух стадиях находит свое выражение «негативный» (разрушающий, отрицающий) аспект осмысления. В третьей — «позитивный» (конструктивный) аспект. С этой точки зрения, всякое осмысление есть переосмысление. Развитие знания предстает как систематическое соотнесение индивидуальных (в терминологии Аристотеля — «первых») и общих («вторых») сущностей, как систематическое отождествление нетождественного, как метафора, не только отстраняющая, но и «зашнуровывающая» неизвестное с помощью уже известного.

Перенос осмысляемого в иной контекст осмысления, рассмотрение его в несобственной НЦС, расшатывание привычных представлений и деструкция старой смысловой структуры обобщает хорошо известные представления о роли в осмыслении удивления (Платон, немецкие романтики), остранения (В.Б. Шкловский), лиминальности (В. Тернер), деконструкции (Ж. Деррида), которые дополняются построением нового смыслового ряда из остраненных смыслов (монтаж, реагрегация). При этом стадия остранения не может быть самоцелью. В таком качестве оно выступает, пожалуй, только в нонсенсе и абсурде, где становится не средством, а собственно содержанием, предметом творчества. Но даже в творческом нонсенсе оно, тем не менее, предполагает конструктивную деятельность сознания по выстраиванию новых смысловых конструкций.

Структура смыслового содержания социального опыта, динамика осмысления и смыслообразования показывают принципиальную роль личного сознания, выступающего источником, средством и результатом осмысления, в том числе — трансцендирования в иное. Поэтому традиционный семиотический анализ (семантика, синтаксис и прагматика) должен подкрепляться персонологическим вектором (измерением). В этом плане предлагаемый подход может пониматься как «глубокая семиотика» (deep semiotics), дополняющая и развивающая традиционную теорию знаков.

Традиционная семиотика (восходящая к американскому прагматизму) и семиология (восходящая к французскому структурализму) ориентированы на выявление, анализ смысла в «готовых», уже данных знаковых системах. Социальная семиотика (Д. Халлидей) также ограничивается рассмотрением социальных контекстов (паттернов, фреймов). «Глубокая семиотика» позволяет перейти от синхронического анализа к диахроническому, к динамике развития знаковых систем, позволяя интегрировать междисциплинарные возможности такого анализа, и что особенно важно, открыть перспективу расширения анализа смысла до процессов его воплощения в материальные формы.

Ценностно-нормативный анализ открыл возможность обоснования семантики практических рассуждений и перформативов: оценочных, нормативных, императивных. Действительно, помимо истинности (как соответствия неким фактам) возможны иные семантические оценки, соотнесение утверждения с другими цен-

ностными рядами (добро, красота, необходимость, возможность, реализуемость...), что позволяет расширить применение семантического аппарата и аппарата модальной логики.

На примере логико-семантического анализа содержания идеи сущности и существенного признака был раскрыт механизм ценностно-нормативного синтеза знания в «стереометрическом» соотношении описания реальности (истинное знание) с описаниями должного (знание необходимого) и возможного (знание реализуемого). Эти соображения были сведены в концепции «*стереометрической семантики*», частью которой является традиционная логическая семантика. С этой точки зрения, основной формой осмысления является идея как синтез знания реальности (истины), ценности или цели (оценки) и программы ее реализации (нормы). Этот синтез может быть отрефлексирован (в научных формах знания (см. прим. 4)), но может быть и синкретичным (обыденное сознание и опыт (см. прим. 5)).

Обозначенный выше круг идей был систематически представлен в монографиях (см. прим. 6) и докторской диссертации «Нормативно-ценностная природа осмысления действительности» (1987).

После защиты докторской диссертации деятельностно-практическое рассмотрение семантических проблем дало два корешка: к культуре как нормативно-ценностному генератору осмысления и смыслообразования, и к личности, персонологии.

Свобода воли и ответственность

Ранее упомянутые «практические рассуждения» непосредственно связаны с возможностями анализа поступка – проявления не просто активности (рутинной, машинальной или вынужденной), а действия мотивированного, т.е. последствия которого, как и саму мотивацию можно вменить некоему актору как вменяемому (в обоих смыслах этого слова) субъекту. В переходе к проблематике философии поступка важную роль сыграла публикация в 1984 г. ранней работы М.М. Бахтина «К философии поступка», в которой он развил представление об «участном мышлении», бытии как «со-бытии» и принципиальном отсутствии у человека «не-алиби» в бытии. В философии поступка бытие раскрывается не просто как сущее, как сущее «интонированное», мотивированное замыслами, целями, стремлениями, проявлениями воли. На этой основе была развита идея онтофании свободы – воплощения смысла в телесные и другие практически значимые формы.

И нормативно-ценностный синтез осмысленного знания оказался важным ключом к анализу философии поступка (см. прим. 7). Например, это позволило провести различие призвания и самозванства – как готовности делать других людей счастливыми помимо и вопреки их воле. На материале исторического и обыденного опыта было сформулировано понимание самозванства как проявления безответственности и невменяемости (см. прим. 8). Сопоставление самозванства и призвания позволило провести нетривиальную демаркацию, важную в плане морали и нравственности. С этой точки зрения, безнравственна та личность, которая руководствуется по отношению к другим представлениями о собственной чести и достоинстве. И безнравственно общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее долге. И наоборот: нравственна та личность, которая руководствуется по отношению к другим представлениями о ее долге, и нравственно то общество, которое руководствуется по отношению к личности представлениями о ее чести и дос-

тоинстве. Иначе говоря, долг не извне вовнутрь, а изнутри вовне, а честь и достоинство — не изнутри вовне, а дело внешних социальных оценок личности.

Не менее важным моментом философского осмысления поступка стало обоснование соотношения свободы и ответственности. Обычно в их соотношении прослеживается их симметричная взаимообусловленность. Очень часто ответственность обуславливается свободой, как ее следствием. Как удалось показать, ситуация имеет обратный характер: ответственность первична по отношению к свободе, сознанию и самосознанию. Более того, была развита концепция свободы как эпифеномена культуры, результата социализации (воспитания, образования, профессиональной подготовки), когда личность вырывается из сети объективных причинно-следственных связей, а сами эти связи замыкаются на личность, становящуюся причиной неких объективных процессов. Например, это не чашка упала, ребенок ее уронил (мог не уронить, но уронил). Тем самым, в процессе социализации, освоения культурного опыта, другие «грузят» нас ответственностью, и, как следствие — свободой = сознанием = самосознанием.

Сознание и разум оказываются вторичны по отношению к изначальной ответственности, выступают мерой ее содержания и глубины. Чем более интеллектуально и нравственно развита личность, тем полнее ей открывается масштаб и мера ее свободы и ответственности. На этой основе были развиты представления о различении свободы и воли, структуре и механизме мотивации, роли и видах успеха, социальных эмоциях (стыде, чести, гордости, смехе). Так, например, смех предстал феноменом торжествующей эмоции, радостью понимания несостоятельности отклонения от желаемого должного, очень точным выражением идентичности, культуры личности, и на этой основе — эффективным средством самозащиты и воспитания.

В философии поступка и свободы как ответственности открылись представляющиеся важными перспективы уточнения и обобщения содержания идеи рациональности, которая была раскрыта в трех планах: (1) как результативность (соответствие результата преследовавшимся целям, соответствие реально полученного желаемому должному); (2) как экономичность (соответствие результата затратам ресурсов); (3) как целесообразность (соответствие поставленных целей реальным проблемам и потребностям). Уточненное таким образом содержание идеи рациональности представит выражением идеи эффективной деятельности, восходящей к античному «технэ» как искусного мастерства.

С точки зрения философии поступка и «мотивированного» бытия, подобная «техническая» рациональность нуждается в дополнении рациональностью «космической» (от античного «космос» — гармоничная целостность мира). «Космическая» рациональность как выражение гармонической целостности мира (дао-истины как дао-пути) не исключает «техническую», а предполагает ее как меру и содержание ответственности за поддержание целостной гармонии.

Сдвиг гуманитарной парадигмы

В 2001 г. вышла моя монография «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы», в которой сведены воедино несколько больших тем: смыслообразование, культура, свобода, личность и российский культурный опыт. Книга эта была опубликована в США и оказалась практически недоступной читателям в России. Поэтому ее материал был дополнен и расширен на еще больший круг проблем, ито-

гом чего стала монография «Постчеловеческая персонология. Новые горизонты рациональности и свободы» (2002). Дополнением и расширением ее содержания стала книга «Тело свободы» (2006), в которой был сделан акцент на выявление природы смыслопорождающей свободы, ее онтофании в артефактах культуры.

Тема сдвига гуманитарной парадигмы представляется остро актуальной и важной для понимания роли, значения и востребованности гуманитарного знания. Поскольку стал очевидным переходный характер постмодерна, то такой сдвиг заставляет учитывать этот опыт — во-первых, во-вторых — быть мультидисциплинарным, в-третьих — акцентировать внимание не столько на структурности, сколько на динамике порождения новых смыслов, а значит, в-четвертых, выстраиваться, учитывая роль и значение личности — главного источника этой динамики.

Нельзя не брать во внимание и смену доминантных акцентов в философии последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. В новом столетии и тысячелетии философия все очевиднее предстает фокусированной на персонологической тематике, вбирающей в себя основные проблемы философской антропологии, философии культуры, когнитивистики — вплоть до традиционной метафизики. При этом, опыт современной цивилизации придал границам вменяемой личности (совпадающим с границами ее свободы=ответственности) весьма подвижный характер. Они уже не совпадают с границами кожно-волосного покрова индивида, его телесностью. Само тело предстает уже не столько «темницей души», сколько костюмом, с которым можно играть, который можно менять и выбирать. Современный человек в намного большей степени, чем ранее — больше суммы своих качеств и свойств, все более явно предстает «человеком без свойств».

Более того, как становится все более понятным в контексте тотальной цифровой медиализации, в настоящее время вызревают представления о постчеловеческой персонологии — перспективе опыта постчеловечности. Современные телесные практики в науке, медицине, искусстве, обыденном опыте открывают несущественность антропоморфности. Это «расчеловечивание» открывает важность пост-человечности, позволяя за тремя соснами увидеть лес и путь в нем. Похоже, что Я как точка сборки ответственности и есть грядущая метаморфоза, и открытие новой нравственности, предвестником которых был постмодернизм.

Непродуманные с точки зрения социально-культурного контекста и гуманитарных последствий экономические реформы, агрессивный национализм — примеры игнорирования гуманитарных факторов. Прошлое столетие сполна расплатилось и по вексялям абстрактного гуманизма, под флагами которого вершились кровавые злодеяния. Также неполноценен и персоналистский индивидуализм, оборачивающийся эгоцентризмом. За человеком надо видеть главное, носителем чего он выступает — свободу и ответственность, обеспечивающие возможность расширения социального опыта, а покушение на них угрожает самому бытию, ничтожит его.

Новые импульсы расчеловечиванию и «новой животности» дала тотальная цифровая медиализация (Интернет, социальные сети, маркетинг с использованием Big Data, блокчейн) практически всех сфер жизни современного общества — от экономики и госуправления до образования и личной жизни. Новые неравенства, рост недоверия, алармизма, перспективы занятости — все это порождает запрос на *комплексную гуманитарную экспертизу* не только последствий реализации новых технологий, но и целей их разработки, возможностей имплементации, а значит — комп-

лексной осмысленности. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. На этой основе совместно с рядом коллег-психологов была предложена методология комплексной гуманитарной экспертизы, разработан ряд организационных и методических документов.

Другие расширения

В этой связи продолжилось и расширение практических контекстов философии смысла. Была выработана ценностно-нормативная модель социогенеза, характеризующегося на двух осях: ценностной (относительно базовых ценностей безопасности, справедливости и свободы) и нормативной (как степени институционализации базовых ценностей). Эта операционализируемая модель открыла возможность синхронического и диахронического анализа культур (включая политические), построения их профилей и компаративистики.

Комплекс рассматриваемых проблем все более распространялся на общество, динамику современной культуры, особенно — в российской истории и современности. Примером может служить идея социальных сил и перехода в анализе общественных и политических процессов от рассмотрения синхронических характеристик структур как неких скаляров — к собственно процессуальности векторов развития. С учетом роли культуры и социальных коммуникаций была разработана модель системы механизмов менеджмента, обеспечивающая его целостность и эффективность, выявлены этапы эволюции современного менеджмента и его социальные функции — вплоть до нравственных, предложена методика оценки эффективности корпоративных социальных коммуникаций, корпоративной социальной ответственности и социально-ответственного партнерства, обосновано представление о бренде (и развита соответствующая технология брендинга) как социальном мифе и способе существования артефактов культуры массового потребления, как интеграторе бизнес-процессов в современных условиях (см. прим. 9).

Тотальная маркетизация парадоксальным образом буквально реализовала в обществе массового потребления как великий проект гуманизма Просвещения с его лозунгом «Все для человека, все на благо человека, все во имя человека», так и «основной закон социализма», гласивший о «все возрастающем удовлетворении все возрастающих потребностей». Маркетизация гуманизма «уплощает» иерархию ценностей традиционного общества, превращая ценности в рубрикаторы потребительского рынка. Это делает массовую культуру эффективным средством консолидации общества, реализуя комфортную среду обитания на основе гедонистических ценностей личного счастья (здоровье, любовь, семья) и успеха (социальное признание, достаток). Средством противостояния этой объективной «игре на понижение» является смысловая картина, формируемая посредством гражданского общества, структурирующего это «плоское социальное пространство, полноценная элита, задающая нравственные, интеллектуальные и художественные образцы, а также внятная система приоритетов культурной политики.

В этой связи в совершенно новом контексте предстает трансформация российского общества в XX—XXI столетиях. В большой серии работ, толчком к написанию которых стал доклад, сделанный еще в 1989 году на семинаре в Нарва-Йэсуу, были рассмотрены источники, ценностно-смысловое содержание, динамика, перспективы *российско-советского культурного опыта*. Фактически, речь идет о «мировоззрен-

ческих раскопках» с поисками корней, а также о прослеживании перспектив этого опыта. Систематически рассмотрены российско-советская-постсоветская философская и политическая культуры, их содержание, эволюция и институционализация.

Отдельным направлением стала *символическая политика* как борьба за доминирование способов осмысления и смысловых картин мира. В этом плане специальное внимание было уделено информационным войнам как конфликтам интерпретаций смысловых картин мира, а также способам и уровням формирования исторической памяти «сверху» и «снизу». Была разработана и апробирована ценностно-нормативная модель нарративов осмысления социальной реальности, позволяющая сравнивать различные смысловые картины исторической памяти, содержание культурной идентичности различных социумов.

Отдельной темой стали анализ и разработка персональных, корпоративных и особенно — региональных брендов как современных мифов, выступающих смысловую картину мира, выступающих в качестве ориентиров и способов позиционирования в современном информационном обществе. Серия работ была посвящена Санкт-Петербургу и его месту в российской культуре. Этот город рассматривается в них как «демоверсия» петровских реформ («пиарбург»), как город-инноватор России. Система выявленных градообразующих метафор-образов города легла в обоснование Стратегического плана развития Санкт-Петербурга, ряда программ поддержки и развития городской культуры.

Получила развитие и идея «поступочного» философствования, выражающегося непосредственно в образе жизни, поведении. Систематической попыткой осмысления личного обыденного опыта стала книга «Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации», ставшая серьезным испытанием для близких автора и него самого.

При активном участии автора разработан проект учебного комплекса *преподавания философии в средней школе*. Действительно, преподавание философии (и логики) целесообразно перенести из вузов в среднюю школу. В возрасте 13-16 лет подростки, только-только вступая в самосознание, проявляют живейший интерес к философии — но не как ответам на все случаи жизни, а как опыту самостоятельной постановки смысложизненных вопросов. В вузе этот интерес уже пропадает, молодой человек уже втянут в жизненную гонку: надо осваивать профессию, создавать семью... В этой ситуации философия воспринимается как что-то ненужное, не имеющее отношения к реальной жизни.

Отдельную и довольно важную роль в систематизации философского знания играют словари. Помимо достаточно традиционных словарей, авторский опыт «смыслопорождения» был реализован (в качестве соредатора и одного из авторов) в уникальном проекте «*Проективного философского словаря*». Речь идет о словаре принципиально нового типа. Он содержит термины, которые либо впервые предлагаются для использования, либо наполняются существенно иным понятийным содержанием. Словарь не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсивные тенденции в развитии современной философии, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей.

Междисциплинарный синтез

Проработка этого круга вопросов поставила вопрос о возможности и даже необходимости обоснования междисциплинарности и конвергенции современной науки.

В результате, сначала на материале художественной культуры (кинотекст, изобразительные искусства), а затем политических наук была выработана *модель трех видов (уровней) объясняющих научных нарративов*: (1) уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных; (2) уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами; (3) уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта.

Причинный детерминизм science и свобода воли humanities — нарративы разных уровней. Но, хотя science свойственен 2-й уровень, тогда как humanities — 3-й, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны. Так, роль 3-го уровня проявляется даже на 1-ом — при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Это выражается не только в целевом контексте исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии, которые конкретизируются, операционализируются, измеряются. Тем самым, суждения, содержащие такие термины — проверяются: они могут быть подтверждены или опровергнуты. 3-й уровень проявляется в science, и в контексте исследований: в обоснованиях актуальности, практической значимости, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике. В социально-гуманитарных исследованиях явно задействованы все три уровня. Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют 2-й и 3-й уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения феномена. Тогда как 1-й уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

Способы познания не сводятся к методологии естественных и точных наук. Во-первых, такая редукция в социальных, политических, исторических исследованиях чревата элиминацией собственно акторов общественной жизни и истории, наделенных сознанием и мотивацией, а значит — волей. Во-вторых, сами естествознание и точные науки зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. Поэтому результатом происходящих изменений видится *междисциплинарная интеграция и конвергентность*, реализуемая на встречах курсах science и humanities. Позитивистский детерминизм позволяет не только глубже понять природу гуманитарности (первичность ответственности и эпифеноменальность свободы), но и открывает возможности ясной, понятной междисциплинарности, операционализации концептов свободы и ответственности, открывает новую степень значения и востребованности гуманитарного знания.

С одной стороны, методы и результаты естествознания и точных наук остро востребованы в гуманитарных и социальных науках, дают им новые и новые стимулы для осмысления и переосмысления. С другой стороны, само гуманитарное знание, гуманитарная экспертиза становятся все более востребованными в научно-технических разработках, расширяя традиционный технологический инжиниринг до инжиниринга социально-культурного. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

Ergo

Представленная «программа» практической философии смысла содержит детали самоотчета и самообъяснения, но не самооправдания. Речь идет о возможностях концептуального анализа и применений одной из центральных идей гуманитаристики, открывающих ее мультидисциплинарный (конвергентный) потенциал. И от

реализации этого потенциала, как представляется, зависит многое в развитии не только гуманитаристики.

Благодарности. *Выражаю глубокую признательность преподавателям кафедры логики философского факультета И.Н. Бродскому, Э.Ф. Караваеву, Я.А. Слинину, Б.И. Федорову, И.Я. Чупахину, живому общению с такими философами, как М.В. Попович, С.С. Гусев, М.Н. Эпштейн, В.А. Карпунин, Б.И. Липский. Неизбывный стимул к научному поиску и практическому осмыслению динамичной реальности — общение со студентами, а также — с близкими, ежедневно и ежедневно дарящими новые эмоции и переживания.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблема понимания в философии. — М.: Политиздат, 1985. — 191 с. (в соавт. С.С. Гусевым);
2. Проблема осмысления действительности. — Л.: ЛГУ, 1986. — 177 с.
3. Логика целевого управления. — Новосибирск: Наука, 1988. — 207 с. (в соавт. И.С. Ладенко).
4. Разум, воля, успех. О философии поступка. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. — 230 с.
5. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. — СПб: РХГИ, 1996. — 413 с.; Феноменология зла и метафизика свободы. — СПб: Алетейя, 2018. — 484 с.
6. О существенном // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. № 1. Философия в преддверии XX столетия. — СПб: СПбГУ, 1997. — С. 114-138.
7. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. Философский век. Альманах. 17. — СПб: Центр истории идей, 2001. — С. 28-58.
8. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. — СПб: Алетейя, 2002. — 677 с.
9. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. — СПб: Алетейя, 2003. — 512 с.
10. Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке. — М.: Смысл, 2005. — С. 7-26.
11. Тело свободы. — СПб.: Алетейя, 2006. — 432 с.
12. Рациональность и иррациональность ответственности. // Рациональность и культура. — М.: ИД ВШЭ, 2013. — С. 121-136.
13. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. — СПб: СПб ГУ, 2013. — 280 с.
14. Историческая память и социально-культурная реальность: как настоящее управляет прошлым и будущим // Наследие. — 2015. — № 2 (7) . — С. 131-152.
15. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика: Вып. 4. — М.: ИНИОН, 2016. — С. 65-83.
16. Персонологический характер герменевтики текстов культуры: «глубокая семиотика» и переживание. // Человек. Культура. Образование. — 2017. — № 3 (25). — С. 22-31.
17. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. — 2017. — № 1. — С. 76-98.
18. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. — СПб.: Алетейя, 2018. — 294 с.
19. Цифровизация и социально-культурный инжиниринг // Философские науки. — 2018. — № 6. — С. 100-108.
20. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. — 2018. — № 4 (30). — С. 175-193.

О Г.Л. Тульчинском см. также:

1. Философы России XIX-XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. — М.: Академический проект, 1993, 2002. — С. 188.
2. Философы современной России. Энциклопедический словарь. — М., — СПб: Максимум, Мирь, 2015. — С. 580.
3. Кто сегодня делает философию в России. Том 2. — М.: Аграф, 2011.
4. Логика. Библиографический справочник. — СПб: Наука, 2001. — С. 397.
5. Кто есть кто в российском PR — 2005. Ежегодный справочник. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — С. 363.
6. Только уникальное глобально: Сб. статей, посвященных 60-летию проф. Г.Л. Тульчинского. — СПб.: СПбГУКИ, 2007.

Примечания

1. Так, проблема выражения существования и его роли в логике привел к семантике нонсенса и силлогистике Льюиса Кэрролла. В результате было показано, что силлогистика Кэрролла – как общая логика существования – позволяет систематизировать на своей основе другие известные силлогистики Аристотеля, Лейбница, Гильберта и Лукасевича за счет выявленных и доказанных ограничений. Более того, удалось доказать гипотезу Лукасевича о единственной полной аксиоме аристотелевской логики, которая, как оказалось, содержит в себе все кэрроловские правила отбрасывания. См., например: *Тульчинский Г.Л.* Логика Льюиса Кэрролла и гипотеза Лукасевича // *Логика, язык и формальные модели.* – СПб: Изд.СПбГУ, 2012. – С. 152-159.

2. Последний учебник «Логика и теория аргументации» издан издательством Юрайт в 2018 году.

3. При этом особое внимание заслуживает практика повторов таких переживаний (ритмики, обрядов, ритуалов, устойчивых паттернов) в формировании и закреплении смысловых структур в социальной и личностной культуре.

4. Так, политические, научные, художественные идеи суть характеристики реальности, выражение ценностной позиции и программа действий по ее реализации.

5. Так, для ребенка его игрушки, другие вещи суть именно идеи – реальность, взятая в контексте различных программ манипулирования ими.

6. Книга, написанная в 1985 году с С.С. Гусевым «Проблема понимания в философии» оказалась не только первой отечественной книгой по вскоре ставшей остро актуальной проблеме понимания, но и вызвала живейший интерес, была переведена на иностранные языки и опубликована в ряде стран – от Чехии и Венгрии до Аргентины. Монография 1986 года «Проблема осмысления действительности» была написана под докторскую диссертацию и была испорчена несколькими этапами цензурско-редакторского вмешательства. Однако эта книга важна тем, что в ней удалось выразить основной комплекс идей, связанных со смыслом, пониманием, этапами и формами смыслообразования.

7. Монография «Разум. Воля. Успех. О философии поступка». – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. В настоящее время готовится ее радикально переработанное и расширенное издание.

8. «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы». – СПб: РХГИ, 1996. В 2018 году в расширенной версии книга была переиздана в издательстве Алетейя.

9. Эта серия разработок и отдельных публикаций была обобщена в моей работе «Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре». – СПб: СПбГУ, 2013.

Поступила в редакцию 03.02.2019 г. (№ 2308)